

Б.Г. Островский

**Итоги работ советских
экспедиций на крайнем
Севере**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Б11

Б11 **Б.Г. Островский**
Итоги работ советских экспедиций на крайнем Севере / Б.Г. Островский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 84 с.

ISBN 978-5-458-43400-3

Брошюра Б. Г. Островского знакомит с работой советских экспедиций на крайнем Севере в период с 1921 по 1933 год. Большая часть брошюры посвящена изложению итогов работы советских экспедиций 1929—1932 гг. на «Седове», «Сибирякове» и др. судах. В отличие от других книг о крайнем Севере — брошюра уделяет специальное внимание Шпицбергену.
СОДЕРЖАНИЕ I. Северное полярное море и его изучение II. Новая Земля III. Шпицберген IV. Земля Франца-Иосифа V. Арктика и воздушные экспедиции VI. Поход «Сибирякова» вокруг северных берегов Азии в 1932 г.

ISBN 978-5-458-43400-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мягкостью. Не будь Гольфстрема, мы не имели бы незамерзающего Мурмана—этого богатейшего после Сибири „края будущего“. Благодаря Гольфстрему море между Шпицбергом и Новой Землей является теплейшим из всех арктических и антарктических морей. Неисчерпаемые рыбные богатства европейской части Ледовитого моря, в частности и Мурмана, также зависят и являются следствием все того же европейского „отеплителя“ — Гольфстрема. Не будь его, север Европы был бы загроможден вечными льдами, лютый холод сковал бы здесь всякую жизнь, всякое движение. Ныне же сюда не может забрести ни одна льдина, хотя мыс Нордкап и лежит под 71°. Льды относятся по другому направлению и встречаются иногда у 36° северной широты, т.-е. на широте острова Мальты.

Мурманская ветвь Гольфстрема, проходящая всего лишь в 100—120 километрах от берега, значительно нагревает прибрежные воды, и температура воды никогда не опускается здесь ниже 0. Другими словами, — море никогда не замерзает. Это течение, являющееся как бы барьером для Мурмана, защищает его от напора огромных ледяных полей, надвигающихся с севера.

Этим фактом первостепенной важности не исчерпывается значение Гольфстрема для всей европейской части Союза. Теплые струи Гольфстрема чрезвычайно богаты жизнью: это—подлинный живорыбный садок. Гольфстрем является превосходнейшей средой для развития богатейшей и разнообразнейшей морской фауны, неисчислимого множества водорослей и придонных мелких животных, привлекающих сюда — на пастбище — несметные полчища промысловой рыбы. Главная и наиболее многочисленная из этой рыбы—треска. Она ежегодно собирается в колоссальные массы в одном из районов западно-европейского Гольфстрема и, обогнув Норвегию, идет к востоку, вдоль Мурмана.

Рядом многолетних наблюдений установлено, что температура Гольфстрема периодически меняется, оказывая тем самым огромное влияние на погоду всей нашей области. Отнюдь не случайность, что периоды понижения температуры Гольфстрема в течение нескольких лет совпадают, в общем, с холодными годами и, наоборот. Еще много лет назад Нансен и Петерсон утверждали, что существует прямая связь между колебаниями границ наступающих с севера льдов и температурным режимом Гольфстрема. Это явление прослежено в деталях советским ученым — проф. В. Ю. Визе. На основании выработанного им метода, проф. Визе делает регулярные предсказания о состоянии льдов в той или иной части Баренцова и Карского морей, что значительно облегчает выполнение нашими экспедициями ответственных заданий.

Все сказанное свидетельствует, что Гольфстрем заслуживает дальнейшего тщательного изучения:

Не только изучение климатического режима и течений привлекает к Арктике внимание полярного исследования. Перед нами еще одна проблема — проблема установления точных границ суши и моря во всей Арктической области, так как северный полярный бассейн в целом и по сию пору представляет собой загадку. Хотя современные знания Арктики исключают

возможность открытия здесь больших пространств суши, все же не исключена возможность открытия в Северном полярном море более или менее крупных островов в области, лежащей к северу от берегов Сибири, между 135 и 180 меридианами. Этот участок Арктики остается попрежнему белым пятном на картах земного шара.

Наличие небольших пространств суши возможно предположить и в других частях Арктики. Любопытно, что наука опережает нередко жизнь, теория — практику. Наглядный тому пример — остров Визе, открытый в Карском море осенью 1930 г. советской полярной экспедицией в присутствии самого Визе, предсказавшего в 1929 году присутствие острова именно на том месте, где он был найден. Об этом замечательном открытии мы подробно расскажем ниже, а теперь лишь отметим, что проф. В. Ю. Визе предполагает возможность наличия в этом же районе нескольких островов, еще не открытых.

Как было указано уже, большинство полярных исследователей, — в том числе и покойный Нансен, — полагают, что в Северном полярном море нет более или менее крупных земель, и грядущие открытия новых полярных территорий должны ограничиться лишь островами или группами островов. Исключением является американский ученый Гаррис. Он предполагает, что полярный бассейн представляет собой глубокую впадину, и считает возможным наличие здесь суши или очень мелководного моря.¹

Ни в одном из государств мира (в том числе и в дореволюционной России) не делалось попыток планомерного и систематического исследования Арктики. Путешествия в Арктику носили скорее спортивный, чем строго научный характер. Здесь было широкое поприще для борьбы со всякими препятствиями. И в самом деле, трудности путешествия в крайних арктических областях без достаточных технических средств настолько значительны, что перед ними нередко пасовала всякая систематическая здесь работа.

Основной трудностью изучения Арктики был всегда транспорт. Современная техника дала могучие средства передвижения в Арктике — дирижабль, самолет и ледокол. С прогрессом техники постройки ледоколов и с появлением мощных дирижаблей, стало возможным поднять вопрос о систематическом, а не случайном исследовании Арктики. Воздушные перелеты, помимо исследований чисто научного значения, приобретают сейчас исключительный интерес для целого ряда стран. Мы разумеем транспортно-пассажирские перелеты кратчайшим путем из Европы в Америку через Северный полюс. При подобном маршруте можно будет тратить лишь одну четвертую часть времени, сил и энергии, которые необходимы теперь на перелет, скажем, из Амстердама в Иокогаму. Вместо тридцати дней, необходимых для совершения этого пути в обычных условиях, мы затратили

¹ Перелет дирижабля «Норвегия» опрокинул теорию Гарриса, выведенную из учения движения проливо-отливных волн в Северном полярном море. Дирижабль пролетел над самой «Землей Гарриса», не обнаружив ее. (Ред.)

бы всего семь с половиной суток. Но, чтобы осуществить эти перелеты, мало одних лишь прогрессивных достижений одного воздухоплавания: для успешного выполнения самого перелета, для обеспечения ориентировки дирижабля в совершенно незнакомых, никем еще не обследованных ни территориально, ни климатически полярных областях, необходима разработка целого ряда вопросов, связанных с исследованием Арктики вообще.

Выше мы упомянули, что наш ледокольный флот, широко используемый в наших полярных экспедициях, не мало способствовал их успеху. И в самом деле: наши ледоколы имеют уже не малые навигационные заслуги. Так, — известный всем „Малыгин“ (б. канадский почтово-пассажирский ледорез) совершил ряд весьма ответственных и часто очень трудных плаваний в Ледовитом и в Карском морях. В январе 1920 г. „Малыгин“ (тогда „Соловей Будимирович“), вмерзнув во льды у Тиманского берега и потеряв способность управления, был вместе со льдами вынесен в Карское море, где и проблуждал в необычайно тяжелых условиях, — при критическом недостатке продовольствия, — около полугода. Спасенный „Святогором“ (ныне „Красин“), „Малыгин“ был приведен в Архангельск.

В 1932 г. „Малыгин“ используется в большой экспедиции Главного гидрографического управления на Новую Землю (для сооружения радио-станции в проливе Маточкин Шар).

Постоянный участник весьма тяжелых походов Карской экспедиции, „Малыгин“ в 1928 г. принимает участие в спасении остатков экспедиции Нобиле. В 1932 году он едва не погиб на банке у острова Вайгача. В 1933 году „Малыгин“ оказался почти в безнадежном положении на рифах у берегов Шпицбергена.

Блестящий поход „Красина“, спасшего остатки экспедиции Нобиле, достаточно известен. О замечательных плаваниях нашего ледокола „Седов“ к берегам Земли Франца-Иосифа, на о. Визе и на Северную Землю мы подробнее расскажем ниже, как и о последнем историческом походе „Сибирякова“ вокруг берегов Евразии.

Успешной работе в крайних широтах Арктики мы в значительной степени обязаны наличию у нас кадров выдающихся моряков — полярников, лучших в мире.

Наш север, в частности „Поморье“, — колыбель русского торгового флота. Отсюда вышли наши прекрасные северные моряки, знаменитые поморы, снаряжавшие еще в давние времена на утлых суденышках рискованнейшие плавания в недра Арктики.

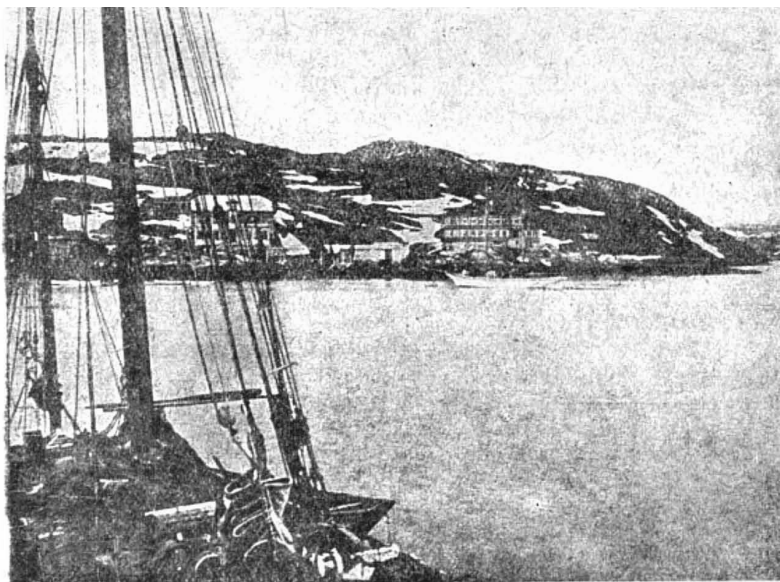
Из всего Ледовитого моря наибольшее значение для Союза имеет Баренцово море, ограниченное островами Шпицбергена и Землей Франца-Иосифа — с одной стороны, Новой Землей и о. Вайгачем — с другой, и европейским материком — с третьей. Обогреваемое заходящими сюда ветвями теплого течения Гольфстрем, Баренцово море свободно ото льдов, а потому мы имеем здесь свободный выход в Атлантический океан, которого лишены в других своих водах.

В противоположность Баренцову морю Белое море, соединенное с ним сравнительно мелководным проливом, так наз. Горлом

Белого моря глубиною всего в 50—60 метров,—не обогревается ветвями теплого течения и, вдобавок, подвергается зимой сильному охлаждению со стороны материка. Обычно Белое море вполне освобождается ото льдов только в конце мая, а в некоторые годы и еще позже. Замерзание же моря начинается уже с половины октября. В обычных условиях, т.е. без продления навигации с помощью ледоколов, мореплавание здесь возможно только в течение 4-5 летних месяцев. Но ледоколы позволяют осуществлять теперь навигацию в Белом море в течение круглого года.

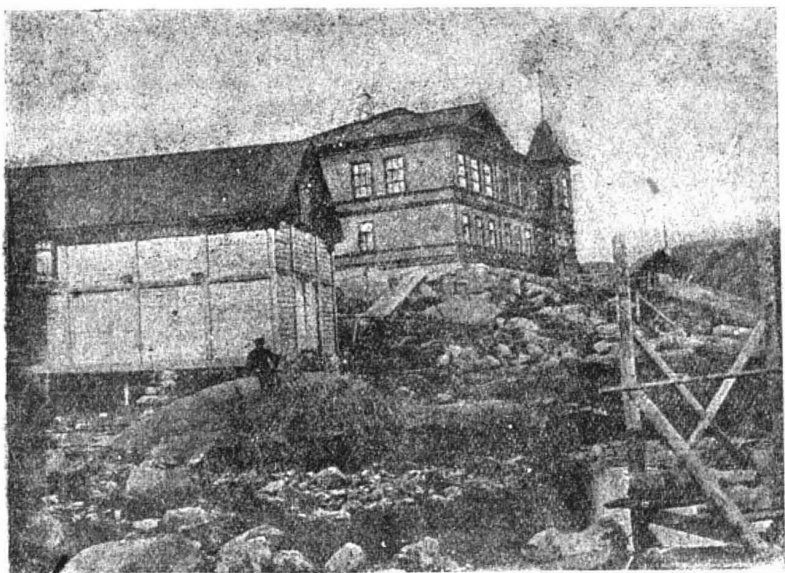
Полярные воды, омывающие европейские берега Союза, чрезвычайно богаты жизнью. На ряду с представителями арктической фауны, мы находим здесь также представителей более теплых атлантических вод. Рыбные богатства здесь поистине колоссальны. Самая распространенная из здешних рыб, конечно, треска: ее здесь до 70% всех прочих пород. Из других рыб ценны: пикша, сайга, зубатка, палтус, сельдь, камбала; в небольшом количестве встречается также навага, семга и голец. Специалисты определяют количество рыбы, которое можно добыть на Мурмане за год, в 6350 тыс. тонн. Вот цифра, о которой нам ненужно забывать. Но нам нужно еще много поработать, чтобы поставить промыслы на должную высоту; нужно изучить самым тщательным образом целый ряд вопросов, связанных с биологией наших промысловых пород рыб.

Этой цели, несомненно, всего более отвечает Государственный океанографический институт (ГОИИ), расположившийся

1. Общий вид ГОИИ в селе Полярном

2. Главное здание ГОИНа в селе Полярном

в селе Полярном на Мурмане ($69^{\circ}12'$ северной широты), включивший за последние годы в план своих работ также и вопросы нашей рыбной промышленности. Велика польза института в деле изучения промысловых вод Мурмана. Им ведется, например, продолжительная и кропотливая работа по изучению микроорганизмов моря, — так наз. планктона. С первого взгляда неясно какая тут связь с нашими промыслами, а между тем связь эта существует и имеет огромное значение для рыбопромышленности. Оказывается, что эти микроорганизмы служат питанием для личинок рыб, так называемых, мальков, а потому от богатства того или иного водного района этими микроорганизмами зависит пребывание здесь рыбы. Или, например, животные придонной фауны: концентрация в определенных местах их сообществ влечет скопление здесь колоссальных стай промысловой рыбы. Всесторонне изучая фауну и флору близлежащей части океана, находящейся в полосе прохождений теплой струи Гольфстрема, сотрудникам института приходится косвенно иметь дело и с этим течением, а температура Гольфстрема, как известно, оказывает влияние на подход к берегам рыбы и ее размножение. Уже много раз наблюдалось, что увеличение температуры Гольфстрема, хотя бы на полградуса против нормального, способствует более позднему подходу рыбы, потомство же ее численно уменьшается и ухудшается качественно. Изучая Гольфстрем, его температуру, можно, таким образом, заранее более или менее верно предсказать время подхода трески, а следовательно — и „урожая“ ее.

Ежегодно в программу работ института входит четырехкратный рейс в открытый океан, так называемый „разрез“ под 75° северной широты. Нечего и говорить, что трудный рейс этот, который полностью не всегда даже удается выполнить и подробнее о котором мы расскажем ниже, обогащает науку все новыми и новыми данными.

За последние годы экспедиционная флотилия института значительно обогатилась. Помимо испытанного „Книповича“ институт располагает теперь паровым судном бывшего Плавучего морского института — „Персей“ и траулером — „Дельфин“. Все эти прекрасно оборудованные для экспедиционных целей суда дали возможность институту организовать экспедиции в самом широком, недоступном никогда ранее, масштабе и проводить исследование Баренцова моря в течение круглого года. Институтом уже совершено до 70 экспедиций. Итоги наиболее важных экспедиций ГОИНа и бывшего Морского института должны остановить наше внимание.

Большой заслугой второго является, бесспорно, открытие совершенно новых рыболовных районов Баренцова моря, куда, как известно, промысловые рыбы в колоссальных массах идут на кормежку. Никакие сведения и знания о количестве вылавливаемой у нас на Мурмане промысловой рыбы, главным образом трески, не дадут такого яркого представления о ее действительно изумительной многочисленности, как личное присутствие на промыслах, или ловля ее самим. Например, при ловле на поддев время уходит лишь на спускание и вытягивание бечевки, снабженной голым крючком. Едва вы успели опустить крючок на дно, как уже тянете его обратно, чувствуя при этом не малый груз. И как странно поймалась рыба! Крючок не проглочен ею, а поддел ее за брюхо. Иногда же вы вытаскиваете рыбу за хвост. Подобный способ лова называется ловлей „на поддев“. Не трудно себе представить, каково же количество рыбы должно быть на дне моря, если ее можно, не ловя обычным способом на наживку, просто поддевать. Но далеко не на всяком месте Мурманского побережья такое изобилие рыбы. Иногда, уже в незначительном расстоянии от места удачного лова, вы не поймаете ни одной рыбешки, хотя бы и посвятили этому делу сутки. В чем же дело? Почему рыба исчезла отсюда? А дело в том, что в первом случае вы попали на подлинный морской оазис, вы находились на так наз. „рыбной банке“, куда рыба пришла кормиться.

Изучение рельефа дна Баренцова моря, открытие „банок“, наиболее обильных промысловой рыбой, предвидение как времени подхода рыбы к нашим берегам, так и условий лова в том или ином месте в данное время года может быть осуществлено только путем планомерного и всестороннего исследования богатого Баренцова моря с помощью систематически организуемых экспедиций.

Покойный Фритъоф Нансен неоднократно обращал внимание исследователей на существующую связь между течениями в Баренцовом море с рельефом дна самого моря. Известно

также, что всякая река, протекающая в северном полушарии, вследствие вращения земли увлекается к правому берегу. Струя Гольфстрема, протекающая вдоль Мурманского берега, тоже не свободна от этого закона механики. Иными словами,— Нордкапская струя Гольфстрема также должна прижиматься к берегу, т.е. вправо, или же иметь ту же тенденцию по отношению к подводным возвышенностям Баренцова моря, огибая эти последние.

„Персею“ во время его экспедиции в Баренцово море в 1929 г. удалось полностью доказать правильность предположений Нансена и, что еще любопытнее, сделать на основании этого важное для нашей мурманской рыбной промышленности открытие — открытие новых рыболовных районов Баренцова моря.

Остановимся немного на этом. Уже было известно, что дно Баренцова моря около 76 параллели значительно повышается; в то время, как от этой возвышенности до уровня моря всего лишь 150 метров, за границами этой возвышенности — глубины ровно вдвое большие. В этой центральной возвышенности Баренцова моря имеются чрезвычайно удобные, созданные самой природой, условия для обстоятельного экспедиционного изучения влияния дна на направление и характер морских течений. Неудачному исследователю Баренцова моря, сотруднику ГОИНа проф. Н. Зубову, летом 1928 г. посчастливилось установить, что на самой возвышенности, в силу трения, струи течения, прижимаясь к возвышенности, — несколько замедляются в скорости. А отсюда проф. Зубову нетрудно было сделать такое заключение: „Раз нордкапские воды прижимаются к соответственным склонам подводных возвышенностей (главным образом к северным склонам, потому что общее направление нордкапских вод с запада на восток, а известно, что рыба приходит к нам с этими водами), то, значит, надо искать рыбу, главным образом на склонах, особенно, если данный склон является склоном возвышенности с высокой продуктивностью дна“.

Уже в следующем 1929 г. было предпринято детальное исследование этой центральной возвышенности Баренцова моря. В результате был открыт новый обильный рыбной район, теперь эксплуатируемый нашими рыбопромышленными организациями. Открытие „Персею“ нового рыбного пастбища у центральной возвышенности, никому до той поры неизвестного, чрезвычайно ценно не только в экономическом отношении, но еще и потому, что открытие это не носило характера случайности, по примеру большинства подобного рода открытий, но явилось продуктом теоретических изысканий на основе планового и детального изучения вод Баренцова моря. Открытие проф. Н. Зубова ценно еще и потому, что оно окончательно устанавливает, что рыбные богатства Баренцова моря локализованы в строго определенных районах. Более чем вероятным становится теперь вывод, что если бы колоссальные рыбные богатства Баренцова моря были распределены по дну моря равномерно — вряд ли был бы возможен их промысел.

Из экспедиций, совершенных на „Персее“, необходимо отметить еще плавание 1927 г. в наиболее недоступные в то время

области северного полярного бассейна. Чрезвычайно благоприятное в то лето состояние льдов дало возможность „Персею“ 9 сентября войти в Карское море и, плывя вдоль берегов Новой Земли, достигнуть северной ее оконечности. В эту экспедицию „Персей“, произведя целый ряд геологических и биологических исследований в Карском море и обследовав ряд бухт на восточном берегу Новой Земли, благополучно вернулся в Архангельск, обогнув северную оконечность Новой Земли — известный ныне своей радиостанцией мыс Желания.

21 сентября 1932 г. корабль Океанографического института „Николай Книпович“, возвратясь на базу в село Полярное, бросил якорь. Несомненно, в этот рейс была выполнена самая замечательная экспедиция из всех совершенных когда-либо судами Океанографического института. Прибывших ожидала торжественная встреча. Начальник экспедиции на „Книповиче“, известный уже нам из предыдущего проф. Зубов, а также и личный состав экспедиции получили следующую телеграмму от

3. Карта рыболовных районов Баренцева моря. А—район работ советских тральщиков. А₁—расширение этого района за последние годы на восток, в сторону обследованного экспедицией Морского института участка IV, II и III—участки, обследованные в 1929 году

Мурманского Округа и Окрисполкома: „Поздравляем с успешным разрешением поставленной задачи и возвращением из труднейшего арктического рейса. Вы, товарищи, на маленьком парусно-моторном судне прошли за 82-ю параллель, проделали небывалый даже для мощных ледоколов полярный рейс, внесли большой вклад в дело создания великого морского северного пути. Дружная, ударная работа всего личного состава экспедиции во главе с проф. Зубовым обеспечила успех“.

Ознакомимся же вкратце с этой экспедицией, организованной по программе проводимого в этот сезон Второго международного полярного года. 18 августа 1932 г. „Н. Книпович“ снялся с якоря и отправился в очередной полярный рейс, имея перед собой обширную программу и не менее обширные сомнения относительно выполнения программы полностью. Помимо команды во главе с опытным капитаном дальнего плавания С. В. Поповым на борту судна находился проф. Н. Зубов с шестью научными сотрудниками. Лишь только корабль вышел в море, как попал в объятия жестокого шторма. Только на пятые сутки успокоившийся шторм дал возможность приступить к научным изысканиям. Через несколько дней на горизонте показалась Земля Джиллиса, окруженная многолетними ледяными полями и айсбергами. Пробираясь среди ледяных громад, непрерывно затягиваемый густым молочно-серым туманом, сбиваемый с курса все время на сторону совершенно неизученными здесь сильными течениями, „Книпович“ 29 августа приближался к острову, известному под именем Виктория. Величественная картина гигантских, сползающих к морю, сверкающих на солнце, ледников произвела огромное впечатление даже на привыкших ко всяким видам участников экспедиции. Чрезвычайно затруднительный доступ с моря к ледникам не позволил никому еще дать сколь-нибудь верное представление об этом острове. Следуя вдоль ледяных массивов острова, „Книпович“, наконец, подошел к северо-западной оконечности острова. Здесь заметили узкую полосу земли и за нею бухту, которая и позволила высадиться экспедиции на берег. Под угрозой быть ежеминутно раздавленным массами несущегося льда, „Книпович“, лавируя между айсбергами, стал, наконец, под прикрытием одного из них, засевшего на мель, на якорь. Тотчас же была спущена шлюпка и с 8 участниками экспедиции отправлена на берег. Им удалось войти в небольшую бухту и высадиться. Здесь, на северо-западной оконечности острова, над которым никогда не развевался еще ничей флаг, при салюте с корабля,—был поднят флаг СССР.

Но долго оставаться на берегу было рискованно: льды могли отрезать всякий путь к кораблю. Возвратившись на корабль, тотчас снялись с якоря и поплыли вдоль острова, нанося на карту очертания никем еще правильно не заснятых берегов. При этом оказалось, что остров в три раза меньше, чем полагалось, и лежит несколько восточнее, чем значится на старых картах. Выполнив первый этап работы, „Книпович“ взял курс на восток и отправился к архипелагу Земли Франца-Иосифа. Следуя затем дальше, „Книпович“ подошел к земле Георга

и, забирая все севернее, достиг 82° северной широты. „Книпович“, несомненно, прошел бы выше, но тяжелые льды, плотной стеной сгрудившиеся на его пути, заставили его повернуть обратно.

Пройдя мимо острова Рудольфа—самой северной точки Земли Франца-Иосифа, „Книпович“ прошел к Белой Земле. Высадиться на остров участникам экспедиции не удалось. Пришлось ограничиться промером глубин и взятием проб грунта со дна моря. Еще несколько дней продолжалась борьба со льдами, пока, наконец, корабль выбрался на чистую воду.

В итоге „Книпович“ проделал то, что не удавалось еще ни одному судну. Впервые в истории полярного плавания Земля Франца-Иосифа была обойдена с Севера небольшим судном, не отличавшимся ни снаряжением, ни мощными машинами. „Книпович“ прошел свыше 3000 миль, по пути сделав 75 остановок для производства океанографических работ, согласно выработанной программе Второго международного полярного года. В 400 пунктах были произведены промеры глубин моря. Помимо этого в течение всего плавания велись непрерывные метеорологические наблюдения.

Совершенно очевидно, что материалы, добытые экспедицией и по сей час еще не вполне обработанные, представляют исключительную научную ценность. Значение экспедиции „Книповича“ не исчерпывается научными результатами. Большой интерес экспедиция представляет также и для наших северных промыслов. Безудержное хищническое истребление иностранцами морского зверя на Земле Франца-Иосифа нанесло большой ущерб. Стада его столь немногочисленны здесь теперь, что нам придется не мало еще поработать, чтобы развить в достаточной степени местное промысловое хозяйство.

Рейсом „Книповича“ по 82° северной широты живо заинтересовались заграничные учреждения, в частности Парижская академия наук.

Справедливость требует отметить, что успеху экспедиции „Книповича“ много способствовали прекрасные качества судна,—построенного в 1928 г. в Норвегии по заказу СССР и специально приспособленного для плавания в крайних полярных областях,—великолепная работа всех судовых механизмов и дружная, порою героическая, работа всего состава экспедиции, а также чрезвычайно благополучное состояние льдов в 1932 г.

Года четыре тому назад на Мурмане неожиданно произошло событие. В совершенно неурочное время (зимой) к мурманским берегам подошла сельдь и в таком количестве, представить которое не может даже самое смелое воображение. Сельдь шла сплошными массами. Ее сопровождали редкие гости Мурмана—киты. Море превратилось в густую сельдяную кашу. Передавали, что палка, воткнутая в воду, оставалась в таком положении. Рыбу вычерпывали, сколько хотели,—корзинами, решетами, брали руками. Но этим и ограничились: никто не ожидал подхода рыбы, никто не приготовился встретить ценный груз, который шел буквально прямо в руки. Ловить было нечем, и негде было солить. И сельдь, потолкавшись в заливах,